

Елена ЧАЙКОВСКАЯ

КОНЕК ЧАЙКОВСКОЙ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛЕЙ

Елена Чайковская

**Конек Чайковской.
Обратная сторона медалей**

«ЭКСМО»

2017

УДК 796.912:929 Чайковская Е.
ББК 75.719.6 Чайковская Е.

Чайковская Е. А.

Конек Чайковской. Обратная сторона медалей /
Е. А. Чайковская — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-99494-6

Ее выслали из Москвы в ледяные казахские степи, когда ей не исполнилось и двух лет. Пока отец танцевал на палубах балтийских крейсеров, мать меняла царские червонцы на буханки с отрубями, а ссыльную девочку кормила шоколадом балерина мира № 1. Ее туберкулез лечили льдом. В ГИТИСе лучшие режиссеры открывали ей мир, а Щедрин и Пахмутова дарили свою музыку. Всесильный глава МВД Щелоков брал на службу в Кремль, а будущий премьер Примаков слал гвоздики в турне по Америке. Высшие награды Пахомовой с Горшковым, Линичук с Карпоносовым, Ковалева с Бутырской отлиты в книге славы мирового фигурного катания. Елена Чайковская никогда прежде не рассказывала так подробно о своей удивительной жизни и неподражаемых учениках.

УДК 796.912:929 Чайковская Е.
ББК 75.719.6 Чайковская Е.

ISBN 978-5-699-99494-6

© Чайковская Е. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Чайковская

Конек Чайковской.

Обратная сторона медалей

В оформлении книги и переплета использованы фотографии из личного архива автора, а также

© Юрий Сомов, Михаил Климентьев / РИА Новости,

© Мастюков Валентин / Фото ИТАР-ТАСС

© Rvector, germip/ Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Чайковская Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Вместо предисловия

«Предисловие» – жанр сомнительный

Писать предисловие к любой книге опасно и ответственно одновременно. Зачем оно? Если это Иосиф Бродский или Иван Бунин и «предисловец» расшифровывает читателю своими словами гениальные стихи или прозу, его могут госпитализировать. А если это вялая графомания, то никакая блистательная аннотация не спасет и вступление вызовет у читателя презрительную иронию или даже ненависть, если он дочитает до конца.

В данном случае повествование соткано из биографии давно мне знакомого и дорогого человека. И я бы свою скромную запись назвал не «предисловие», а «предвкушение». Предвкушение удивления перед мощнейшей фигурой, олицетворяющей уникальный комплекс полноценностей.

Мои эмоции, конечно, невозможно вместить на одну страницу. Поэтому восклицаю лозунгом: Чайковская – субъект глобального бесконечного удивления! Удивительная женственность и красота (что не синонимы) при железной воле и пронизательном остром уме. Трогательнейшая круглосуточная забота обо всех, кого она любит и «курирует». Архипрофессиональный тренерско-педагогический талант, неиссякаемый ни с годами, ни с ситуациями. Детская «алчная» любознательность ко всему, что происходит в мире искусства.

Знаю по себе (не понаслышке), что с возрастом все чаще тянет к спячке, к берлоге в любое время года – отсюда апатия и припадки склероза.

Однажды придумал, что склероз – это не когда что-нибудь забываешь, а когда забываешь, где записал, чтобы не забыть. Чайковская помнит всё (она, например, помнит наизусть все возможные и невозможные телефоны, любой текст она с ходу читает справа налево – не на иврите, а на русском туда и обратно).

Она моментально реагирует на беду и щедра максимально. Правда, иногда ее зашкаливает – пару раз назвала меня гением (конечно, из сострадания).

Леночка очень много для меня значит. Как-то, поднаторев, я придумал двусмысленное название ее фирмы «Конек Чайковской». Ей понравилось, и я счастлив.

Когда вы прочтете сей искренний монолог Чайковской, то ощутите, что он вырывается за рамки единичной судьбы – это яркий срез биографии нашей многострадальной Родины.

Сегодня плюнуть нельзя без рекламы. Боясь показаться старомодным, рекламирую: ПРОДАЙТЕ АЙФОНЫ, РАЗБЕЙТЕ ЧЕМ-НИБУДЬ КОМПЬЮТЕРЫ, ВЫКИНЬТЕ В ФОРТОЧКУ ТЕЛЕВИЗОР – ЧИТАЙТЕ ЧАЙКОВСКУЮ!

Прочитав один раз, второй будете читать бесплатно!

Александр ШИРВИНДТ

Глава 1

Немецкий самородок

«Жена главного режиссера Театра Моссовета Юрия Завадского, великая балерина Галина Уланова жила вместе с его труппой в Доме колхозника Алма-Аты. Получала дополнительный паек. А я, пятилетняя, постоянно пробиралась под ширмами и полотнами, за которыми обитали народные артисты Советского Союза, к Улановой. И прима Большого театра меня, любопытную «немку», подкармливала шоколадом из артистического пайка...»

Сегодня многие начинают изучать свою родословную – в надежде отыскать какие-то благородные корни. Появляются новые русские дворяне. Графини с баронами, князья с княгинями...

Мне искать в архивах ничего не надо. И выдумывать того, чего не было, тоже не нужно. Я достаточно хорошо знаю истоки своей семьи, часть которой, как и многие в нашей стране, попала под каток репрессий.

Мой папа, Анатолий Осипов, прослужил всю жизнь в славном, знаменитом Театре Моссовета. А родом он был из калужского села с хрустальным именем Самородки.

Так что я, урожденная Елена Осипова, наполовину из Самородков.

Мать с отцом познакомились до войны – в театральной студии.

Папа был потрясающий актер. Он фантастически пел и замечательно танцевал. Когда нас с матерью выслали из Москвы в невообразимо далекий казахстанский Чимкент в 1941 году, отец остался служить в театре. Перед ним не стоял выбор – «семья или работа». Жизнь была такова – и ее надо было принимать...

Папа четыре года с фронтовыми бригадами выступал, кажется, на всех фронтах Великой Отечественной. Читал бойцам поэму «Василий Теркин». И даже танцевал на палубе корабля Балтийского флота – в семейном архиве сохранилось такое фото.

А нам с мамой четыре года было не до танцев и песен. Нам просто нужно было выжить.

До войны на запад от Москвы, на Минском шоссе, стояли дачи Театра им. Моссовета. И мы там жили, в поселке Жаворонки. Сейчас это престижное, дорогое, плотно застроенное особняками место. Такие места в Москве теперь принято называть «стародачными».

А тогда, осенью 1941 года, гитлеровцы подходили к Москве и меня с мамой, как фольксдойче, то есть исконных немцев, живущих в России, выслали подальше – с глаз долой из сердца вон. За три тысячи километров от столицы. В Южный Казахстан.

Почему мы оказались в числе немцев? В маминой метрике стоит запись «Татьяна Пастухова». Но вообще-то она по матери Гольман – или, если соблюдать правила немецкого произношения, Хольман.

Ее мама умерла от рака, когда девочке едва исполнилось 4 года. У мамы были сестра и брат. Всех троих подобрала бабушка Гольман, дочь барона Гольмана.

До революции это был уважаемый в России дворянский род. Довольно богатый. С доходными домами. После революции 1917 года большую часть недвижимости, конечно же, у семьи отобрали. Например, знаменитое подворье в Сокольниках.

Другая ветвь маминого рода тянется к изготовителю фарфора Барулину.

На фарфоровой мануфактуре прадеда специально для свадьбы моей бабушки изготовили сервиз на 400 персон. Тончайший был фарфор, розовый с белым.

То есть у семьи имелась интересная история. Особенно по маминой линии. И даже при советской власти они смогли сохранить кое-какие накопления, несмотря на обыски и изъятия.

Когда началась война и стало понятно, что нас не сегодня завтра вышлют из столицы куда подальше, мать совершила то, что позже нас спасло в казахстанских степях. В мои колготки, в кофту и в платье, как-то очень грамотно и незаметно для тех, кто нас потом проверял перед высылкой, она вложила кисеты замшевые. Их, кажется, было всего три. Но они были большие, бархатные, плотные, на веревочках. В старые времена в таких табак держали. А мама в кисеты эти напихала под завязку царские золотые червонцы.

Часть монет дала в дорогу наша удивительная антисоветчица тетя Лиза. У нее была органическая ненависть к большевикам. Всегда говорила так: «Если бы эти не пришли, эх, как бы мы жили!»

Часть золота получили от тетки, а часть этих червонцев оказалась маминым наследством. Вот эти николаевские золотые монеты нас за годы ссылки в Чимкенте и спасли. Когда нужда совсем прижимала, мать шла менять один червонец на буханку хлеба.

Вместо паспорта, который у нее отобрали в НКВД при высылке, ей дали справку, что она и ее дочь – фольксдойче. Пойди – попробуй с такой бумажкой устроиться хоть на какую-то работу. Она помыкалась-помыкалась – и с трудом устроилась на хлебокомбинат. Московскую ссыльную актрису взяли загружать-разгружать машины. Мать таскала мешки вместе со здоровыми мужиками. И, конечно же, надорвалась. Пришлось ей делать операцию.

Но вообще, конечно, я мало что помню из той азиатской ссылки. Однако годы в Чимкенте мне хорошо, внятно напомнили о себе позже – в Казахстане я замечательно легко работала открытую форму туберкулеза. Этот «подарок» обнаружился уже в Москве. И, кстати, во многом определил мою судьбу.

В самом конце войны Театр им. Моссовета, где служил мой отец Анатолий Осипов, приехал с гастрольями в Алма-Ату, тогдашнюю столицу республики.

В то время, насколько я понимаю, стараниями художественного руководителя театра Юрия Завадского, маме и мне выдали разрешение приехать из Чимкента к отцу. Всего 700 километров между нами. Мы, конечно же, приехали.

Меня с мамой поселили в алма-атинском Доме колхозника. Там же разместили и всю труппу московских актеров. Вокруг за развешанными простынями и расставленными ширмами несколько недель жили лучшие артисты Советского Союза. Они были знамениты на всю страну и жили за перегородками, которые ни от чего не защищали.

Абсурдности происходящего я, сопливая пятилетняя девчонка, конечно же, тогда понимать не могла.

А вот что в моей памяти сохранилось – шоколад от Галины Улановой. Балерина номер один СССР (а возможно, и лучшая танцовщица мира) и супруга режиссера Юрия Завадского в солнечную, мирную и сонную Алма-Ату была эвакуирована (как я узнала позже) вместе с труппой Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. А в то время, когда мы пересеклись в Алма-Ате, Уланова уже стала примой Большого театра. Галина Сергеевна была еще молода, но уже известна всему миру – всем, кроме Ленки Осиповой, конечно.

«Жена главного режиссера» жила вместе с труппой его театра. Получала дополнительный паек. А я – у меня же свербилло всегда – постоянно пробиралась под этими ширмами и полотнами к Улановой. И она меня, маленькую шуструю «немку», подкармливала шоколадом из артистического пайка.

Столичные актеры, когда с ними живешь нос к носу день за днем, оказываются совсем другими людьми, нежели на экране и на сцене. Притом со своими удивительными профессиональными «фишками».

Будущий народный артист СССР и любимец всей страны, уже сыгравший в самой знаменитой советской комедии тех лет «Волга-Волга», дядя Сева Санаев, когда видел меня на горизонте, тут же начинал строить какие-то гримасы. Конечно, маленькую девочку «из диких степей» они шокировали. Кумир миллионов репетировал очередную роль. А мелкая ссыльная из Чимкента жутко пугалась, начинала орать и убегала от него в ужасе, чтобы спрятаться в пыльном углу с пауками и молю.

Всеволод Васильевич довольно посмеивался – репетиция удалась.

В этой далекой от войны Алма-Ате текла какая-то удивительная жизнь. Все в той жизни было интересно, и весело, и своеобразно. Восток там сошелся с Западом...

Но когда Театр Моссовета свои азиатские гастроли завершил и вернулся в город, где я родилась, мы поехать с ними вместе, разумеется, не смогли. У нас с мамой, «немецких отщепенцев», отсутствовала столичная бронь. А присутствовала лишь та самая справка НКВД о высылке из Москвы.

Но режиссер Юрий Завадский оказался человеком чести. До сих пор не знаю, как ему это удалось, но худрук одного из ведущих столичных театров добился, чтобы семье его актера выписали законную московскую бронь.

Это означало льготу, неведомую для нынешних россиян. Вам давалось разрешение на проживание в ключевом городе Страны Советов – где происходило все главное в жизни этой страны. Ну или почти все.

Когда мы смогли вернуться в 1946 году, вся еще каким-то чудом сохранявшаяся по линии Барулиных-Гольманов до войны недвижимость – квартира, дом, дача – была отобрана в пользу государства рабочих и крестьян. А у отца ничего и не было. Папа шагал по жизни налегке, напевая, даже денежная реформа не заставила его изменить себе.

Впрочем, оказалось, асфальтовый каток государственных репрессий прошелся не только по ветке маминой родни.

Когда мы вернулись, папа почему-то решил меня «сводить на экскурсию» в Бутырскую тюрьму.

Мы пошли на встречу с его отцом, моим дедушкой, который там сидел. Дед, как рассказал мне по дороге мой папа, украл мешок картошки. Наверное, не самое страшное преступление – может, потому-то его и выпустили пообщаться с сыном и внучкой.

Когда я родилась, меня принесли на улицу Малиновская в Сокольниках, где у нас была огромная квартира – по маминой линии. Но когда мы вернулись из ссылки через четыре года, никакой квартиры, конечно, не осталось и в помине.

И где же нам прикажете жить? Вся страна ютилась по баракам и в коммуналках друг у друга на голове. Но у нас в тот момент не было и этого!

Театр им. Моссовета тогда давал спектакли на площадке в саду «Эрмитаж», в центре Москвы, у Бульварного кольца. Рядом с нами с концертами выступал суперзвезда советской эстрады Леонид Утесов. Всегда аншлаг, всегда принаряженная публика, всегда настроение праздника.

И вот нашей воссоединившейся семье после каких-то писем и обращений выделили комнату в полуподвале на задах театра, где складировали декорации.

Площадь выделенной комнаты не превышала восьми метров. И девочку Лену после спектакля легко и просто забрасывали на крышку шкафа. Хорошего, большого, на треть комнаты шкафа. Я на той крыше спала, я на той крыше жила. Мне там было прекрасно.

В те времена, которые сегодня и представить невозможно, спектакли Театра им. Моссовета начинались в восемь часов вечера. И представления шли до полуночи – не то что сейчас. А после спектакля вся труппа почему-то приходила к нам. Наверное, мы ближе всех жили – прямо в театре. Как помещались – непонятно. Но влезали – и пили, и пели, и вир-

туозно ругались матом. А маленькая девочка на большом шкафу с великим наслаждением слушала и впитывала высокохудожественную атмосферу этого бедлама и цирка.

Когда сегодня умудренные жизнью седовласые люди рассуждают про суровые будни после войны – какое страшное время они тогда пережили, – я испытываю удивление. Мое детство в те роковые сороковые мне запомнилось самым счастливым временем.

С утра я пропадала на репетициях. Потом перемещалась на детские спектакли. А затем шел взрослый спектакль – и после него вся труппа неведомым чудом набивалась в наши крошечные 8 квадратных метров минус шкаф. Наверное, чтобы обсудить «творческие вопросы».

Я была полностью счастлива. Было так хорошо и смешно.

Отец начал сниматься в кино. В фильме «Счастливый рейс» мы оказались с ним вместе. Там по сценарию нужны были живые такие, маленькие и смышленные девочки. Режиссер картины Владимир Немоляев, разумеется, отправил на съемочную площадку свою дочь Свету – ныне народную артистку страны Светлану Немоляеву. В тот фильм определили и меня – за компанию, играть ее подругу.

А рядом работали в кадре, а потом по соседству с нами гоняли чай с пирожками тогдашние и будущие кумиры всей страны: Николай Крючков, Михаил Жаров, Евгений Леонов, Вера Орлова.

Много было ночных съемок – поэтому мы спали прямо в павильоне. Нас со Светкой будили в три-четыре часа ночи, и мы сонные шли в кадр.

Алма-атинские «гастроли», московские «съемки», театральные посиделки после спектаклей на задах театра «Эрмитаж» – все это сложилось в яркий калейдоскоп, непередаваемая атмосфера которого формировала меня. Так я становилась самостоятельной, независимой личностью.

После войны в начале Беговой улицы (сейчас это почти центр Москвы, недалеко от ипподрома) военнопленные немецкие солдаты и офицеры строили двухэтажные дома. В том числе для артистов Театра Моссовета и прочей творческой интеллигенции.

Кроме лицедеев там поселились поэты и писатели: Евгений Долматовский (его песни исполняли Утесов, Кобзон, Пьеха, Гурченко, Лещенко), Александр Марьямов, Александр Авдеенко... Люди с интересными, сложными судьбами.

И когда у Театра Моссовета появился свой двухэтажный дом в том «творческом» квартале, наша семья получила в нем комнату в 25 метров.

Вот это был полный восторг. Сегодня понять те чувства невозможно. Но по тем послевоенным временам такое жилье казалось чем-то невиданно роскошным.

Известным спортсменам Всесоюзного общества «Динамо» – поскольку это совсем недалеко от Петровского парка, динамовского родового гнезда, – на Беговой тоже давали квартиры. За большие заслуги перед народом и партией. Рядом с нами поселился звезда советского футбола, капитан московского клуба «Динамо» и член сборной СССР Костя Крыжевский. Футболисты были кумирами народа.

А у трамвайного парка, по соседству с Ваганьковским кладбищем, стоял клуб. Там крутили все трофейные голливудские фильмы, которые мы привезли из Германии после 1945 года. Эти картины не нужно было покупать, трофеи же!

Вот там мы с мамой посмотрели и «Железную маску», и «Трех мушкетеров» – все старое, классическое американское кино.

Понятно, что мы ходили в этот клуб по вечерам. А обратно через мост идти было страшно. Но желание прикоснуться к другому миру оказалось сильнее страха.

Именно в то славное время московские врачи определили у Ленки Осиповой открытую форму туберкулеза – наследство казахстанской ссылки. И мама Таня начала кормить дочку Ленку странной и жуткой смешанкой из какао, сала барсука, сала медведя и сока алоэ.

Понятия не имею, кто дал ей этот рецепт, но она свято верила в его эффективность. А еще к этой страшной смеси добавлялась то ли водка, то ли спирт. Плюс еще вручную делались шарики из йода.

Вот такой замечательной мешаниной я питалась весь день. С утра до вечера, чтобы излечиться от грудного кашля, привезенного из казахских продуваемых степей.

В общем, с легкими моими ситуация получилась хреновая. И росла Ленка Осипова худая, как черт.

Тогда моему отцу какие-то умные люди сказали, что надо отдавать девочку в спорт. Чтобы почаще бывать на свежем московском воздухе, постоянно находиться в движении, интенсивно и напряженно дышать. Все эти усилия были необходимы для того, чтобы растянуть мои несчастные легкие. Одно из них из-за туберкулеза сделалось размером с кулачок. Вот так вот скрючилось легкое – и совсем не хотело работать так, как надо.

Спасение от чахотки оказалось рядом. Меня отдали в фигурное катание на стадион «Юных пионеров». Это две остановки на трамвае. Я сама ездила на тренировки.

Поверить в это сложно, но у меня уже через год все туберкулезное безобразие зарубцевалось. А рубец на рентгене, кстати, виден до сих пор. Врачи, не знающие моей истории, когда наблюдают на снимках это явление человеческой природы впервые, ахают начинают – вот это сюрприз в пятом межреберье! Ха-ха, посмотрите, коллега!

Я в это же время в «Эрмитаже» играла. Продолжала сниматься в эпизодах в кино. Выступала в театре в гремевшем на всю Москву спектакле Михаила Светлова «Бранденбургские ворота». Была такая шустрая, живая девочка, голосистая – и меня охотно брали. Под бомбежкой орала как резаная «Бегите сюда!» и кого-то звала в укрытие.

А однажды после спектакля за актерские заслуги драматург и знаменитый тогда поэт-песенник Анатолий Сафронов выдал мне коробку пирожных. Я их все съела в один присест и, разумеется, меня сразу стошнило!

Но когда всерьез началось фигурное катание, честно сказать, стало тяжеловато: школа, спорт, театр. Притом что училась я хорошо. Достаточно легко мне давались математика с физикой, да и другие предметы.

В 57-й школе, которая сейчас элитная и знаменитая, училась я с Кузькиным Витькой. Он через несколько лет станет звездой хоккейного ЦСКА и трехкратным олимпийским чемпионом. Когда надо было писать контрольную или диктант, Витя со своими друзьями-балбесами брал бритву – и на глазах у всего класса перерезал себе пальцы. Кровища хлестала, учитель в шоке, диктант побоку.

Вот так мы жили и учились.

Не помню, кто настоял на том, чтобы я именно этим видом спорта начала заниматься, но впервые привел меня в секцию фигурного катания отец.

В какой-то момент нам стали давать талоны на еду. Сейчас невозможно себе представить, какая это роскошь. А тогда рядом со стадионом «Юных пионеров» (сейчас на его месте отгрохали элитный жилой комплекс и отель западной всемирной сети), где начинали свое восхождение многие будущие чемпионы мира и Европы, работала фабрика-кухня. Она относилась к оборонному закрытому заводу, который делал ракеты. Он и сейчас их, кажется, выпускает.

Кормили на фабрике-кухне как на убой.

Я была безумно горда, что приносила домой еду. Мать давала мне какие-то судки, и я приносила к нам на Беговую обеды. Мне казалось, что готовили там очень вкусно.

Иногда мы накапливали эти талоны и обменивали их на деньги по курсу один к двум. Рубль за два талона.

Эта фабрика-кухня и ее завтраки-обеды с этими запахами мне запомнились на всю жизнь.

Однажды настал момент, когда фигуристку Лену Осипову поставили на ставку 120 рублей. Притом что мать в ведущем московском театре тогда получала 50 рублей.

Мои тренировки на свежем воздухе привели к тому, что лет в 14 я уже перешла в общество «Динамо» – и попала в сборную СССР.

Отец тогда ушел от нас в другую семью. И мои талоны, а потом и зарплата стали очень большим подспорьем. Мы были сыты всегда. То есть с 14 лет я стала серьезной кормилицей семьи.

В нашем роду не наблюдалось академиков-генералов, зато оставалось фамильное золото. Когда вернулись, оказалось, что не все потратили в Чимкенте. А еще и чудом сохранились фантастические сервизы фарфоровые. Как мы их смогли уберечь? До сих пор не понимаю. Притом замечу: фарфоровую посуду не держали нигде специально – ни в каких коробках или шкафах. Семья на этом тончайшем фарфоре, который при царе выпускался на дедовском заводе в Дулево без маркировки, ела-пила. И многое, конечно, перебили при переездах.

Помню, что мыли эти бесценные чашки и чайники в эмалированном тазу. Что-то умудрилась сохранить сестра матери, моя тетя Лиза.

Я иногда встречаю эти фарфоровые вещи в антикварных магазинах Питера и там покупаю. Белый внизу и розовый сверху.

В 16 лет я впервые должна была поехать в составе сборной Советского Союза в Чехословакию – предстоял большой тур в Прагу, Брно и Оставу.

Мать, которую как этническую немку всю жизнь никуда не выпускали, не верила, что ее дочь сможет покинуть неприступные границы Страны Советов.

Ее саму уже после войны, когда Театр им. Моссовета поехал на гастроли в Болгарию, не пустили вместе со всеми. Отца пустили – ее нет. Мать слегла с температурой сорок. Это было не простудное – это было нервное. Гастроли болгарские прошли, театр с отцом вернулся, а мама продолжала болеть. И вот ее, которая после ссылки никогда ничего не хотела рассказывать мне об истории нашей семьи, за границу так никогда и не выпустили даже после смерти Сталина и реабилитации репрессированных народов.

Для Татьяны Осиповой-Гольман рубежи СССР казались непреодолимыми навечно. И когда ее родная дочь собралась в 16 лет в первую заграникомандировку, она опять слегла от переживаний. А когда я все-таки уехала со сборной страны в ЧССР, счастливее мамы человека не было.

Перед той эпохальной для семьи поездкой мы приехали к маминой сестре, моей тете Лизе.

Она с мужем жила в доме за косметической фабрикой «Свобода». Я и раньше там бывала. В доме блистали два белых рояля лучшей в мире фирмы «Бернстайн», спиной друг к другу. Стояла какая-то мебель сумасшедшая, антикварная. В шкафах тускло блестело серебро фамильное с вензелями «ЕО». Тетка была Елизавета Отвагина, по мужу, а я Елена Осипова. По первым буквам имени и фамилии получалось тоже – ЕО. И тетя Лиза мне говорила: «Ленка, это все будет твое!»

Но потом, после ее смерти, все серебро украли.

Еще при жизни их дом снесли. Взамен им дали одну комнату в коммуналке. И великолепные «Бернстайны» эти куда-то уволокли. Наверное, в чей-то более достойный дом.

И вот, когда мы приехали к тете Лизе, она громко так сообщила в очередной раз: «Ленка, если бы эти не пришли – мы бы знаешь, как сейчас жили!» А мать ей, как всегда, отвечала: «Лиза, ну тише ты, тише!»

Надо сказать, что мать во мне не воспитывала почтения к элитным дорогим вещам, которые присутствовали в нашей жизни как наследство дореволюционных времен. А я не

понимала тогда цены ни тому фарфору, ни той антикварной мебели. Считала это мещанством. Такая дура юная была.

Притом мама вообще никогда ни на что не жаловалась, при всей ее тяжелейшей жизни. И никому никогда не завидовала. Но надо признать, что она осторожно приучала к мысли, что есть у нас некое наследство.

В какой момент мать вдруг замолчала? Наверное, в ссылке. И когда я потом ее спрашивала про бабушку и про дедушку, она всегда отвечала одно и то же: «Я не помню, у нас не было никакой родословной».

Мама закрылась, как улитка в ракушке, во время войны. И единственное, что я узнавала по крупицам о своих предках – это через тетю Лизу.

И вот та моя первая зарубежная поездка в Чехословакию, из-за которой мать так переживала, стала для меня шоком.

Сборную Советского Союза по фигурному катанию принимали на высшем правительственном уровне. Не только в Праге, но и в Брно, и в Остраве нас селили в великолепные гостиницы. Кормили чудесной едой. Показательные соревнования были потрясающе организованы.

Нам даже дали какие-то деньги, и я привезла красивый отрез на платье маме и себе. И еще дяде Боре Иванову, народному артисту России, отслужившему в Театре им. Моссовета более полувека, привезла черта смешного – на машину, на лобовое стекло вешать. И еще какие-то духи, и в театре все кричали: «Вон наша Ленка из заграницы приехала!»

Выбор между театром и спортом, конечно, надо было делать. И я сделала его рано. Пожалуй, лет в 14 – когда пошли первые заработки и первые кубки. Их, кстати, уникальные тогда делали – серебряные, расписанные эмалью. Очень редкая работа, награда за победу на союзных соревнованиях. В нынешнее время такие кубки нигде уже не делают – дорогая ручная работа.

В 1957 году случилось событие, которое сейчас даже не с чем сравнить – ну вот если бы Майкл Джексон или «Битлз» приехали. В тот год, когда я заканчивала школу, в Москву прилетел «Холидей он Айс». Это был самый знаменитый на планете американский балет на льду, собиравший в свое шоу лучших фигуристов со всего мира.

Сегодня невозможно представить, какой случился фурор, ажиотаж необыкновенный. Весь Советский Союз упал к их ногам.

Во Дворец спорта в Лужниках было не попасть, даже к кассам подойти невозможно. А я сидела там безвылазно, не выходя из Дворца, и впитывала все, как губка.

Приехала к нам Ингрид Вендль из Австрии, с которой я успела посоревноваться. Красавица, чемпионка Европы. Прилетела также лучшая в Европе спортивная пара из Чехии – Вера Суханкова и Зденек Долежал.

Чемпионка СССР в одиночном катании Лена Осипова была потрясена.

И вот тогда передо мной возник ГИТИС.

И художественный руководитель Театра Моссовета Юрий Завадский, и актриса и режиссер Ирина Сергеевна Вульф, видя, что возник мировой тренд на развитие балета на льду, решили направить меня, как фигуристку и как актрису в одном лице, в ГИТИС.

Два этих больших театральных деятеля подумали, что из дочери актеров ведущего театра, которая к тому же уже стала чемпионкой Союза, может получиться первый в СССР специалист по постановке балетов на льду. Не знаю, разочаровала ли я их, когда пошла в тренеры...

Но надо сказать, что я вообще-то мечтала поступить на механико-математический факультет МГУ. Без ложной скромности скажу, что я потрясающе знала и математику и физику, отлично училась и с головой все было в порядке. Все отскакивало от зубов: у меня

очень хорошая зрительная память, и фотографическая тоже – я могу воспроизводить текст задом наперед. И школу свою на Беговой улице я закончила с отличием.

Я полагала, что передо мной стоит выбор: мехмат МГУ или МИФИ. Но так все сложилось, что мне настоятельно предложили идти именно в ГИТИС.

Мама моя тоже решала этот вопрос – чтобы ее Ленка училась в ведущем театральном вузе страны на балетмейстерском отделении.

Вообще-то надо заметить, что по правилам туда могли поступать только те, кто отучился в хореографическом училище. То есть юноши и девушки, уже танцевавшие в театре. Был необходим хореографический аттестат зрелости для поступления в вуз. У меня, конечно, такого документа быть не могло. Ну да, чемпионка Советского Союза в одиночном женском катании, и что?

Тогда в ГИТИСе на вступительных экзаменах обязательно сдавали классический танец, народный танец, либретто, сочинение. И показывали собственную постановку. Что могла показать я – я могла продемонстрировать лишь свои программы по фигурному катанию.

И вот в «час Икс» я обнаружила фамилию Осипова Е. А. в списке поступивших абитуриентов.

Так я стала первой студенткой Государственного института театральных искусств, его хореографического отделения, без среднего хореографического образования. Вошла в историю, можно сказать.

Сложнее всего оказался первый год. Надо отдать должное моим одноклассникам и однокурсникам – они меня тащили к вершинам искусства за ноги и за руки.

Меня сразу определили в класс на пальцы (видели, как балерины стоят на пуантах?), а я в жизни на них не стояла. Мой педагог, великая Марина Семенова сразу сказала: «Девочка, иди в слабую группу!»

Меня с легкой иронией называли «эта со льда» до конца учебы. Но при том очень тепло относились. Так продолжалось все пять лет.

Я очень хорошо разбиралась в терминологии и готова была все показать, но я физически не в состоянии быть на уровне людей, отучившихся в хореографических училищах. Ну как могла я продемонстрировать вот эту их идеальную выворотность ног? И как показывать тот потрясающий прыжок, которым владели мои однокурсники?

Но «эта со льда» старательно проходила всю программу «от и до». Я получила фантастическое образование, которое помогает мне в работе всю жизнь.

Был предмет «Наследие классического танца». «Жизель» полностью танцевали – всем курсом. Танцевали «Пламя Парижа», и я там металась по сцене.

Это все проходило ногами, учили потрясающе, и я многое потом смогла перенести на лед. Моя учеба оказалась таким сплошным восторгом.

У нас не проходило такое, если не выучил предмет даже по уважительной причине, тебе ставили зачет «за заслуги». Нас гоняли так – дым шел.

Несколько моих программ, как фигуристке, делал лучший, на мой взгляд, постановщик в истории русского балета Касьян Голейзовский, который говорил, что «балетмейстер должен обладать энциклопедической культурой».

Наш поток прошел все музеи – хотя тогда и не ценили этого. Всем курсом сидели на репетициях в Большом театре – это сейчас туда не пускают. Все прогоны, которые называют «для пап и мам» накануне премьеры, мы видели. Все спектакли детские и взрослые, драматические и хореографические мы просмотрели.

Мы приходили на балетный класс в 9 часов утра, полтора часа: станок и «середина».

Потом начинались общие предметы. Позже собственные профессиональные предметы. Затем нужно было делать постановки по режиссуре, по актерскому мастерству, этюды. Я возвращалась домой часов в 9 вечера.

И надо признать, что я уже не каталась во время учебы – и потому училась, училась и училась по-черному.

Сессии сдавала как все. Там было полно теоретических предметов, начиная с истории партии и кончая историей музыки и балета. У меня были лучшие преподаватели Советского Союза.

Историю музыки преподавала ведущий профессор консерватории. Считалось, что балетмейстерам знания нужно иметь такие же, какие имеет композитор. Она нам наигрывала фрагмент – и надо было узнать, что играет, кто исполнитель, когда это исполнялось и желательно напеть продолжение. Вот с этим у меня возникла проблема. Слух абсолютный, но я совершенно не могу петь – хроническое несмыкание связок. Это от многих часов, проведенных на льду. Там, где они должны смыкаться, эти связки, у меня дырка. То есть я не могу взять ни одну ноту голосом.

На режиссерском курсе нам преподавали художественные руководители ведущих столичных театров: Моссовета – Юрий Завадский, имени Маяковского – Андрей Гончаров, ЦДТ – Анатолий Эфрос. И эти люди-титаны не давали нам никаких поблажек.

Изобразительное искусство нам читал заведующий отделом западного изобразительного искусства Пушкинского музея. Боже мой, что он рассказывал – про каждый штрих самых выдающихся полотен! И потом вынимал какие-то картины и по фрагменту предлагал нам рассказать, что это за произведение, требовал определить характерные черты для этого художника и для этого стиля.

Гениальный Николай Эльяш – эрудит, лучше всех знавший историю балета, у нас читал историю и современного, и зарубежного балета, и даже российского имперского балета.

Как-то раз он довольно зло, но остроумно пошутил в отношении меня.

Однажды у нас в постановке был Чайковский. А надо сказать, что Петр Ильич сам был отчего-то неудачлив в постановках своих, ставших потом мировой классикой, балетов. В частности, речь шла о «Спящей красавице» в Большом театре в 1890 году.

Спектакль абсолютно провалился, народ уходил после первого акта.

И Чайковский, совершенно обезумев от горя и досады, всю вину свалил на балетмейстера. А балетмейстерами в то время в Большом театре служили два немца – Гиллерт-первый и Гиллерт-второй. Это были два брата. Они, кажется, до того работали солистами в Берлинской опере – и вот приехали в Москву, возможно, на заработки. Гиллерт-второй был женат на Анне Собошанской, приме Московского императорского Большого театра, моей родственнице по материнской линии. То есть Гиллерты эти приходились мне отдаленной родней.

И вот я однажды после лекции о русском балете конца XIX века и о роли Чайковского в нем говорю Эльяшу: «А вы знаете, что Гиллерт приходился мне родственником?» А Эльяш был ехидным до невозможности. И он мне отвечает: «А вы знаете, что сказал о вашем родственнике Петр Ильич Чайковский?» Я вся прогнулась от гордости и говорю: «Нет, не знаю...» И Эльяш отвечает: «Чайковский после постановки «Спящей красавицы» и ее первого провала заявил, что Большой театр прекрасно обойдется без Гиллерта-первого. А особенно – без Гиллерта-второго!»

Когда я защищала диплом, его тема сама шла в руки. Я сотрудничала с Людмилой Белоусовой и Олегом Протопоповым. Вот на программах лучшей пары мирового фигурного катания, на роли чемпионов в развитии мирового фигурного катания, я и делала дипломную работу.

Мой учитель Захаров настаивал на том, чтобы я защищалась по специальности. Все прошло на ура, защита с отличием, красный диплом.

Свою лучшую ученицу, будущую олимпийскую чемпионку Людмилу Пахомову я отправила в ГИТИС, когда Мила еще каталась у меня. А закончила она вуз уже после завершения спортивной карьеры. Другую свою спортсменку, вице-чемпионку Европы и будущую прекрасную постановщицу Ольгу Воложинскую я сознательно направила по тем же стопам – на балетмейстерский.

Но надо признать, никто из них не учился так, как я.

Когда в марте 2017-го в Большом театре состоялся грандиозный вечер, посвященный 75-летию балетмейстерского отделения ГИТИСа, меня пригласили на нем выступить. Наверное, как довольно-таки известную выпускницу, добившуюся кое-каких успехов.

И вот в конце второго акта на представлении на главной сцене Большого выступает его бывший худрук Володя Васильев. Вообще-то он должен был выходить на сцену вместе со мной – юбиляры приветствуют юбиляров. От волнения или еще от чего-то Володя прочитал какие-то стихи, разволновался и вообще ушел.

В итоге мне пришлось отдуваться одной. А я стою на каблуках. Мне за кулисами говорят: не переживайте, у нас тут проход на сцену для самых толстых примадонн, мы вам сейчас раздвинем занавес.

А до этого режиссер юбилейного представления все бегал за кулисами туда-сюда, как челнок. Вот что значит не тренер, переспрашивал меня постоянно: «Вы сильно волнуетесь?» Я отвечаю: «Ну тревожно немного, но так, чтобы я умирала от страха – этого нет...» Он опять бежит мимо с выпученными глазами: «Ну вы только не волнуйтесь». Раз пять спросил. И вот к моменту моего выхода он добился нужного эффекта – я уже начинаю волноваться.

Так меня накрутил, что в самый последний момент, когда уже я двинулась на сцену, он мне закричал: «Ни пуха ни пера!» И я ему с чувством и удовольствием ответила: «Пошел к черту!»

А выйдя на великую сцену великого театра и остолбенев перед заполненными шестью ярусами, где собрался весь цвет отечественного балета, я все забыла. Хотя мой муж Толя Чайковский, который был в зале, потом сказал, что все кончилось хорошо.

Наверное, хорошо – раз шесть приветствовали овациями.

Что сказать – ГИТИС – любовь моя!

На том торжественном вечере присутствовала и моя бывшая сокурсница Лера Уральская, главный редактор журнала «Балет». Журнала, где однажды так профессионально разобрали мою работу, что мне, пожалуй, уже нечего к этому добавить...

Людмила Тажирова, обозреватель журнала «Балет»

Русская школа всегда стремилась к пониманию фигурного катания как эстетичного вида спорта. Но до реформы Чайковской это были отдельные художественные озарения тренеров и спортсменов. Фигурному катанию требовался профессиональный балетмейстер, обладающий знаниями законов хореографии и фигурного катания. Он должен был найти тот гармоничный синтез, при котором спорт и искусство органично соединяются, не ущемляя ни одной из сторон.

Реформа Чайковской коснулась прежде всего изменения места и роли музыки в фигурном катании. Примитивное отношение к музыке рождало в этом виде спорта унижительный для нее термин – «музыкальное сопровождение». Чайковская убирает сопроводительную функцию музыки.

Прежде всего она пытается вырваться из однообразных ритмов, особенно принятых в танцах на льду. «Холодность и вялость» разрушает неожиданным выбором – впервые использует инструментальное произведение «Озорные частушки» Щедрина. Впервые вводится понятие музыкального образа программы, на основе которого и создается вся ком-

позиция. Она привлекает профессиональных звукорежиссеров, которые грамотно создают новую музыкальную ткань программы.

Ее музыкальная реформа кардинально поменяла сам метод постановочной работы. Программа не составляется из готовых комбинаций, а сочиняется на основе конкретной музыки.

С первых шагов Чайковская стремится вырваться за пределы традиционных постановочных ходов: «Никаких банальных поз!»

Такой подход способствует расширению лексического языка.

В качестве примера можно привести знаменитый «круг Пахомовой», где впервые был использован прием повтора. Она обращается к таким приемам, как контраст, контрапункт. Поиск интересного ракурса ведет к разнообразию пластических оттенков, где большую роль приобретают руки фигуристов.

Закон цельности и неделимости композиции достигается ею при помощи изменения роли так называемых связок. Она усложняет связки между элементами и включает их в общую стилистику танца.

Обращаясь к хореографической лексике, Чайковская ведет тщательный отбор движений, которые можно подвергнуть «ледовой интерпретации», наметив два подхода. Первый – когда движение можно приспособить к техническим особенностям фигурного катания. Второй – когда приспособление невозможно, и тут важно определить основную идею, характер движения, а затем воплотить его средствами фигурного катания. В качестве примера можно привести «Польку», поставленную Чайковской, где характер движений передавался не обычными для этого танцами подскоками, а при помощи быстрой смены ног, сгибанием и разгибанием свободной ноги, поворотами партнерши.

Когда хореографическая лексика органична, постановщик использует прямое цитирование. Такой была обводка в аттитюде на зубце конька в «Танго», грузинский ход на пальцах в «Лезгинке».

Традиционные прямые линии и восьмерки, принятые в фигурном катании, заменяются рисунком, напоминающим «запутанный лабиринт», где нет места простым решениям. Ориентируясь на особенности ледовой сцены, Чайковская считает, что «рисунок танца в фигурном катании имеет несравненно большее значение, чем в балете». И огромное сценическое пространство, обозреваемое со всех сторон, ставит перед постановщиком на льду более трудные задачи, чем в театре. Отсюда сложный рисунок танца в ее композициях, неожиданные противоходы фигуристов, внезапно ломающие направления их движения.

Композиционная реформа Чайковской имела в своей основе четкую драматургическую линию. Продуманный режиссерский замысел, предшествующий ее композициям, выстраивал логику драматургического развития не только в показательном номере, но и в спортивной программе.

Чайковской удалось, развивая технику фигурного катания и соблюдая правила ИСУ, превратить композицию в средство художественной выразительности.

Она впервые вводит в фигурное катание понятие «действенный конец» – в «Кумпарсите». Впервые использует такие театральные формы, как диалог и монолог. Дуэты «согласия» сменяются у Чайковской дуэтами «разногласия».

Для воплощения этих идей потребовался новый тип спортсмена. Она формирует спортсменов-актеров, способных воссоздать художественные образы хореографа.

Реформа Чайковской оказала сильнейшее влияние на развитие мирового фигурного катания. Ее основные принципы были перенесены из танцев на другие дисциплины этого вида спорта.

Критикуя традиционные балеты на льду, она предложила создать «театры фигурного катания» с участием выдающихся спортсменов. На таких принципах были созданы коллективы Игоря Бобрина, Татьяны Тарасовой, Ильи Авербуха.

Практическое воплощение эстетических идей Чайковской мы наблюдаем в современном фигурном катании, где гармоничный синтез музыки, хореографии и законов спорта стал приоритетом программ.

Глава 2

Танго втроем

«Выскочили на улицу, с трудом поймали разваливающийся «рафик». Кричим водителю: «Гони, чемпион мира Александр Горшков умирает!» Водитель Сашу узнал. И погнал, дребезжа и едва не рассыпаясь на ходу. Наш пациент при каждой встряске машины откидывался назад. Во-первых – боль дикая. Во-вторых – сил держаться уже не оставалось. Еле-еле Горшкова довезли».

О самой первой моей паре, ставшей не просто знаменитой на весь мир – мир признал их эталоном, как сегодня говорят «иконкой стиля» в танцах на льду, – о Людмиле Пахомовой и Александре Горшкове я рассказываю, наверное, всю жизнь.

В моем случае эти рассказы не обрастают новыми подробностями – как у профессиональных «сказителей». Но вспоминать нашу 10-летнюю работу втроем каждый раз радостно.

Я всегда, с первого дня его появления, защищала Сашу. Так получилось, что с самого начала его прихода в пару к Пахомовой все специалисты в один голос возмущались: «Что вы делаете?! Зачем ставите этого перворазрядника к чемпионке Советского Союза?!»

Критики не знали, да и я тогда не могла знать, что у «перворазрядника» Горшкова есть, может быть, главное качество в нашем виде спорта – он удивительно надежный партнер.

Конечно, Саша вначале тяжело учился, тяжело входил.

На их первой с Милой тренировке при выполнении совместного элемента он упал, раскинув руки. А Пахомова – она же вся такая гордая – покатила дальше, не остановившись и не оглянувшись. Задела коньком его большой палец правой руки. Случайно, конечно.

Никто в обморок не падал, но крови на льду было много.

И тогда мы втроем с катка общества «Буревестник», который находился на месте нынешнего «Олимпийского», помчались в Боткинскую больницу – пришивать Горшкову палец. Благо ехать было минут двадцать. Саша стойчески перенес и эту травму, и то, что за ней последовало.

На следующий день пришел на тренировку с забинтованной рукой, со множеством швов. И... вышел на лед!

А Мила тогда очень испугалась – я видела страх в ее глазах...

Такой драматичной оказалась их внезапно оборвавшаяся первая тренировка. Таким знаковым стал пролог романа этой великой пары, пожалуй, самой знаменитой в мире танцев на льду в XX веке.

Кстати, Пахомова всегда вела подробные конспекты наших занятий (вряд ли кто-то делает нечто подобное сейчас, в век электронных помощников человека, когда все можно снять одним движением пальца по экрану). Но я не знаю, обращалась ли Людмила к этим записям, когда сама стала тренером, помогли ли они ей.

Мила конечно раздражалась, когда у Саши что-то не получалось на льду, – а поначалу не получалось у Горшкова многое. Была ли Пахомова высокомерной по отношению к новому партнеру – не в человеческом, а в спортивном отношении? Скорее да, чем нет. Это не отрицательное свойство ее характера. Она, естественно, ощущала себя уже великой Людмилой Пахомовой. Чемпионкой Советского Союза и лидером сборной СССР. И чемпионка эта испытывала вполне понятную досаду и раздражение оттого, что рядом то и дело отступается и падает кто-то, кто не в состоянии все сделать так же быстро и хорошо, как это удастся ей, золотой московской девочке.

И дело совсем не в том, что Пахомова хотела другого партнера. Ведь Александра Горшкова привела ко мне она сама. Я, признаюсь, тогда удивилась – почему именно он? Откуда Мила его взяла? Вообще-то я должна была знать всех заметных фигуристов, занимавшихся в Москве. Горшков мне был незнаком.

Самой-то Пахомовой, как классной в недавнем прошлом одиночнице, все эти танцевальные дела давались легко. У нее был отличный конек. Казалось, она всю жизнь себя чувствовала хорошо на двух этих тонких лезвиях.

Прежде Мила каталась с Виктором Рыжкиным. Своего партнера – сейчас такие отношения сложно представить – она называла на «вы» и обращалась к нему «Виктор Иванович». А этот Иванович потом совсем заматерел и стал писать удивительные методички и учебники для фигуристов-танцоров, которые сегодня вызывают, мягко говоря, улыбку.

Эта пара ушла от «великого и ужасного» Станислава Жука. Жук, конечно, входит в пантеон больших советских тренеров прошлого века. Но он был весьма неоднозначной фигурой.

Не знаю, останься они у Стаса, возможно, он и вывел бы их на чемпионский уровень. Но известно, что Жук не брался всерьез за тех, кто, по его мнению, не готов был побеждать. А первенство Союза, похоже, оказалось для Пахомовой с Рыжкиным потолком – на чемпионате Европы 1966 года, перед расставанием, они даже в шестерку лучших не вошли.

И Жук – это признают все, знавшие его близко и работавшие с ним плотно, – не миндальничал. Единственным человеком из всей его звездной группы, с кем он действительно считался, пожалуй, была Ирина Роднина. Будущая трехкратная олимпийская чемпионка. Эта маленькая хрупкая девушка могла осадить плотного, резкого Жука, дать ему достойный ответ. Когда Стаса несло – а такое случалось нередко, – Роднина говорила: «А мы считаем вот так!»

Когда они ушли от Жука, ко мне приехал папа Людмилы, генерал авиации, Герой Советского Союза. Приехал без нее. И попросил посмотреть, на что способна его дочь. Сама Мила никогда не заводила разговор о причинах ухода от Жука. У нее было отличное качество: она всегда могла очень ловко забывать то, что ей было не нужно или мешало жить.

Я, правда, считаю это шикарным свойством характера: непринужденно выбрасывать из жизни все вдруг возникшее дерьмо, чтобы на тебе не висело.

Кстати сказать, когда Пахомова с Горшковым ко мне пришли, у них уже начался какой-то роман. Мне Саша позже об этом говорил. Он Милу и до дома провожал. Наверное, и цветы дарил.

Притом покататься вместе у Жука они не успели. У Стаса они катались в разных парах. Но Мила именно там понемногу начала Сашу обучать, подтягивать.

Первоначальный скепсис «фигурного сообщества» по отношению к новому сочетанию Пахомова – Горшков не проходил. Он продолжал звучать практически ото всех. Не поддерживал такой дуэт никто. Все только и говорили и мне, и за моей спиной, что они – ну совершенно не пара! Думаете, легко тренировать несбалансированный дуэт в такой обстановке?

Признаюсь, для меня это оказалось тяжелым временем. И для них тоже. И от Федерации фигурного катания не было никакой серьезной поддержки.

На первом для Милы и Саши чемпионате Европы в Любляне в 1967 году они стали десятыми. А на чемпионате мира в Вене через два месяца – тринадцатыми.

Меня, тренера «неперспективной» пары, в Австрию не взяли. Действительно, зачем?

Но всего два года спустя на первенстве планеты в американском Колорадо-Спрингсе я вместе с моими «неперспективными» ребятами поднялась на вторую ступеньку мирового пьедестала (мысленно поднялась, конечно)! Миле и Саше было по 22 года. Они тогда стояли всего на несколько сантиметров ниже чемпионов, знаменитых британцев Дианы Таулер и Бернарда Форда.

Англичане, четырехкратные чемпионы мира и Европы, увидев в 1969 году катание Пахомовой с Горшковым, поспешили завершить карьеру. Уходя, они заявили, что именно эти русские сейчас показывают направление, по которому мировые танцы на льду станут развиваться в следующем десятилетии.

Гордые британцы так и сказали: «Мы уходим, чтобы уступить место новым законодателям всемирной танцевальной моды».

Мила и Саша стали чемпионами через год, в Югославии, в маленькой, камерной Любляне. И в том же году поженились.

Тут обязательно надо отметить, что на рубеже 60-х и 70-х годов Людмила Пахомова была самая желанная невеста в столице самой большой страны мира.

Жила семья Пахомовых в потрясающей квартире в комплексе гостиницы «Украина». Училась Мила в одной из лучших языковых школ Москвы, что через дом от нее, на Кутузовском проспекте. И потому девушка очень хорошо знала английский. Это большая редкость среди наших спортсменов, в те годы – особенно. Ее мама-врач потрясающе шила. Мила всегда была одета необыкновенно стильно. Первое время и костюмы для выступлений Пахомовой выполняла ее мама.

Позже, конечно, мы привлекли лучших художников страны. И «Вологодские кружева» специально для нее создавали дизайн.

Мать Милы была очень красива. Вспомните картину «Незнакомка» Ивана Крамского – вот вылитая Пахомова-старшая. Отец сильный и властный человек. Он был вице-президентом Международной федерации авиационного спорта. Орденоносец, влиятельный и жесткий. Ноги все поморожены были, сбил много самолетов в войну, но звезду Героя ему дали не за сбитых фашистов, а за подвиг после войны.

Понятно, что у этой красивой и умной девочки были все шансы влиться в ряды московской золотой молодежи. Но она не стала звездой поколения стилист, потому что ей было суждено стать первой олимпийской чемпионкой в танцах на льду.

Пахомова была из породы тех, кто не может не кататься. Я всегда ищу таких. Находить их всё труднее. Сегодня – совсем мало. Сейчас у меня первым делом спрашивают, сколько можно получить за победу и какую потом станут платить стипендию.

В общем, у девочки оказались очень правильный отец и потрясающая мать.

Пока они с Сашей притирались друг к другу и ко мне, было много проблем. Однажды Мила психанула, пришла домой и что-то наговорила папе такое, что он решил позвонить нам домой.

К телефону подошла я. Генерал мне начал что-то выговаривать. И тут трубку у меня забирает мой муж Толя. И говорит: «Если вы еще раз позвоните тренеру Чайковской с такими глупостями, ваша дочь в ее группе заниматься не будет! Тренер лучше вас знает, что можно и что нельзя вашей дочери!»

Генерал после этого с Чайковским еще года три водку пил.

И надо отдать должное их семье: ни отец Пахомовой, ни мать больше ни разу не вмешивались в тренировочный процесс. Притом что вообще для родителей фигуристов это свойственно – практически для всех – с утра до вечера вмешиваться и пытаться что-то подсказывать тренеру, поскольку они, как самые родные люди, лучше знают возможности своего бесценного дитя.

Ну а притирка у Пахомовой с Горшковым продолжалась до последнего дня.

Трепетную лань Милу впрягли в одну телегу с тем, кто не сопротивлялся, не вступал в дискуссии на каждом шагу, как водится в нашем виде спорта, а тащил этот тяжкий воз без рывков – упорно, сильно, по-мужски. Саша не тянул на себя одеяло никогда. Именно это и позволило Милке полностью раскрыться.

У нее не было другого выбора, как принять эту ситуацию и жить в ней. Пахомова безумно хотела, чтобы их пара начала выигрывать. И на этом безумном желании нам и надо было вылезать.

Да, моя рука их жестко направляла. Да, я пресекала попытки бунтов.

Этот быстрый, феноменальный рост Саши – в моей практике, наверное, оказался единственным – стал восхождением на Эльбрус. Горшков шел вперед семимильными шагами. И он всегда был очень надежным.

Теперь все говорили, что Чайковская с Пахомовой так плотно встали с двух сторон от Горшкова, что ему уже ну никак не упасть.

Разумеется, все свои знания, полученные в ГИТИСе, я на открытом катке передавала Миле с Сашей. Они получали полноценные уроки хореографии. Я им вбивала это в головы и в ноги. Но танцы-то были другие! Никаких специализированных печатных изданий, никаких видеомagneтофонов. Я просила англичанина Лоуренса Демми, четырехкратного чемпиона мира и одного из руководителей Международного союза конькобежцев (ИСУ), привозить нам распечатки фигур. Мы же в Советском Союзе не знали ни позиций, ни куда ехать, ни как ехать.

Я понимала прекрасно, что ни британскую статью, ни филигранную технику мы британским же оружием победить не сможем. Наши пары и тогда катались, и сегодня катаются по-другому – другая школа, переделать ее невозможно. Но все равно необходимо было стать на их базу. А потом уже на этой классической, английской основе что-то впечатляющее мир сделать самим.

И вот тогда я замахнулась на «Озорные частушки» Родиона Щедрина, ставшие потом всемирно знаменитыми.

С Щедриным я и прежде была знакома. На всякий случай напомним, что он автор семи опер, пяти балетов и трех симфоний. И вот великий Щедрин, когда я к нему обратилась, мне сразу сказал «да!»

За согласием молодого классика использовать фрагменты его музыки я приезжала в их с Майей Плисецкой квартиру на улице Горького. Резали композицию по живому. Родион вообще живо интересовался танцами на льду и помогал увлеченно.

Когда мы показали «Озорные частушки» на чемпионате Европы и мира, было очень сложно убедить в первую очередь судей, что этот танец – русский. Никакого жанра этнографического танца тогда не было. К тому же щедринские частушки не просто ложились в ледовый танец даже по размеру.

После «Озорных частушек» (я, кстати, на них делала постановку на третьем курсе ГИТИСа) многие наши композиторы захотели, чтобы мои фигуристы взяли их музыку. Популярность дуэта Пахомовой с Горшковым в Советском Союзе была сумасшедшая.

Позже, когда у нас оригинальным танцем стала самба, Азарий Плисецкий, младший брат Майи (который тоже с матерью был в ссылке в Чимкенте, но раньше нас – такие пересечения судеб!), привел к нам на каток «Кристалл» в «Лужники» компанию испаноязычных танцоров-профессионалов. Азарий был женат на знаменитой балетной прима Кубы, мировой звезде Лойпе Араухо. И вот эта страстная кубинка жарким московским летом показывала нам, что такое настоящая латиноамериканская самба.

Если кто-то начинал рассуждать, что движения испанского, кубинского танца нельзя перенести на лед – я смеялась: очень даже можно! Я так хорошо это делаю! Да мне прямо никто и не смел сказать про «невозможность переноса» – я просто брала и переносила.

Мы вырывались за рамки принятых тогда танцев. Либо это выходил блюз с каким-то джазовым акцентом. Либо это шел вальс – и можно было твит-степ пристегнуть. Короче, это были настоящие танцы, а не отточенные движения вымуштрованных аристократов на льду под рафинированную музыку.

Сформировавшийся на традициях российского имперского балета великий Касьян Голейзовский переносил балетные па на лед. Он был мастер «перетекающих движений». Именно Касьян мне поставил выходной цыганский танец из «Дон Кихота» на льду стадиона «Юных пионеров», которого сейчас уже нет. Там стоял холод собачий, а он все твердил: «Давай, пробуй! Ну как это ты не можешь на льду повторить?!»

Я молодая была, а Голейзовский мне повторял, чтобы вбить в голову: «Удивительные возможности открывает фигурное катание. Я на сцене «теку» своими скульптурными композициями. А на льду это воплощается легче и эффектнее. Вам и делать ничего не надо. Вы уже набрали на ледяном зеркале скорость и улетели...»

Когда многие годы спустя мы сидели в жюри ледового шоу на телеканале «Россия», Коля Цискаридзе говорил мне о том же: «Господи, мне бы эту скорость, я ее всю жизнь набирал на сцене Большого. Я бы такое творил!»

Когда я привела в ГИТИС, как когда-то привели и меня, к своему педагогу Захарову Людмилу Пахомову, я сказала: «Вот будущая чемпионка мира и Олимпийских игр. Ей необходимо то образование, которое дает ГИТИС».

Мила отчетливо понимала, насколько это было важно.

Что там главное – наследие классического балета: ты все балетные партии проходишь с партнерами. Не просто сидишь – смотришь, а каждой клеткой воспринимаешь.

Как Мила Пахомова отлично училась в своей английской школе, так же отлично она занималась и в ГИТИСе. Девочка пришла получать знания – не валять дурака, не получать корочку.

Мы с ней оказались родственными душами.

Уровень моих отношений с этой парой, наверное, был неповторимым. Почему? Да потому, что мы оказались близки и по возрасту, и по духу, и по отношению к фигурному катанию.

Возможно, мы уже предвидели высший успех. У нас просто сумасшедшая настроенность на победу была.

И вот такой любопытный факт. Все, что мы ни делали нового, на следующий год Международная федерация конькобежного спорта запрещала своим специальным решением.

Нас с Милой и Сашей все время пытались вернуть в старые рамки. А мы все время из них «выскакивали». То поддержку какую-то изобретем, которая в привычные схемы не вписывалась. Не было ограничений по высоте, но из-за нас их ввели. Выше талии поднимать партнершу – нельзя. Под ногами пропускать партнершу тоже ни в коем случае – это акробатика! Партнершу переворачивать также запрещено – опять-таки акробатика.

Нас постоянно били по рукам. И по ногам тоже.

Как с этим боролись? Да просто шли напролом! Каждый раз добавляя что-то новое. То, что на тот момент не успели запретить – просто потому, что мы это только-только придумали.

Почему нам такое удавалось? Повезло – на нашей стороне оказался глава технического танцевального комитета ИСУ, истинный британец Лоуренс Демми. Он видел, что танцы, придуманные его соотечественниками-традиционалистами, остановились в развитии. Стагнация, застой. И все вокруг загрузили. И шансов на попадание в олимпийскую программу с таким отношением оставалось все меньше.

Лоуренс Демми – великий человек. Он очень ждал наших открытий русской школы танцев на льду. Только благодаря его позиции нам в конце концов позволили развиваться в том направлении, которое мы выбрали и в котором двигались. Не будь поддержки британца, на Пахомовой с Горшковым вместе с Чайковской поставили бы жирный крест. И до сих пор весь мир так и катался бы чопорно, правильно, по-английски – как в 50-е и 60-е годы.

В 1970 году решалось многое. У Милы в тот год было странное настроение. Она плакала, спотыкалась. У нее все валялось из рук на тренировках. Но собираться, когда отступать некуда, она умела как никто.

На чемпионате мира в начале марта на люблянской арене «Гала Тиволи» получилось так. Там сидело пять арбитров из западных государств и четыре – из «восточного блока». И выиграть дуэту из «страны победившего социализма» было ну никак нельзя.

Да к тому же Пахомова с Горшковым выступали до американцев Джуди Швомейер и Джеймса Сладки, лидеров после короткой программы. Атлетизм, техника, высочайшая скорость – вот козыри представителей США.

Но тут случилось чудо: английская судья в произвольном танце поставила выше Милу с Сашей. Американцы потом ее чуть ли не ногами пинали: «Как это так, предательство в англосаксонском блоке?!» Словом, советская танцевальная пара впервые переборола весь «мир капитализма» при перевесе в судейской бригаде в пользу Запада.

Когда летом 1970-го, в год своей первой победы на чемпионате мира, Пахомова и Горшков вступили в брак, я в эти дела вообще не лезла. Ну раз решили, значит, женитесь.

Мила, как мне казалось, очень хотела замуж. Но с ней не было никакого риска, что она наденет обручальное кольцо, погрузится в семейные дела – и закончит карьеру. У Пахомовой была ясная цель – победить на Олимпийских играх. Она делала для этого все.

Притом что вообще-то влюбленность партнеров друг в друга по жизни на льду мне мешает. Да, тогда, в 1970-м, заключение этого семейного союза на тренировочном процессе, как мне казалось, особенно не отразилось. Зато в последующие годы отражалось – и еще как! Я им говорила – то, что происходит у вас в семье, оставляйте в семье. У меня на катке вы появляетесь без этих ваших внутренних проблем. Ведь случалось, что они приходили на тренировку – и просто не разговаривали друг с другом. А кататься-то как? Я что-то делаю, о чем-то говорю, а эти две звезды потухли: одна – в одном углу, другой – в другом ковыряется на льду.

Тогда я придумала простую, но эффективную тактику: «Боже, ну какое же дерьмо мне досталось! Нет, ты только погляди на себя – невозможно смотреть! Платье словно все пожеванное. А ты? Ты вообще до сих пор так и не научился кататься!»

Все это я говорила им обоим. И обидно им было сильно. После моих обвинений – не оскорблений! – двое этих чемпионов тут же, в одну секунду, объединялись против меня. Проезжали, сцепившись друг с другом за руки, на меня не глядя – и работали. То, что мне и было надо.

Ну а к вечеру уже все шло нормально.

Был потрясающий документальный фильм Димы Полонского в 1971 году, где он как раз запечатлел момент, когда Мила и Саша поругались – и катались в разных углах площадки. А я в кадре сидела на стуле в коньках и изумленно крутила головой – мне в тот момент оказалось не с кем работать.

После 1970 года наступила мировая гегемония Пахомовой и Горшкова. В последующие шесть лет они лишь раз проиграли – в 1972 году красивой немецкой паре Анжелике и Эрику Букам, брату и сестре. На том чемпионате Европы в шведском Гетеборге расклад судей оказался такой: пятеро «капиталистов» и четверо «социалистов».

А уже на чемпионате мира в канадском Калгари через полтора месяца Мила и Саша выиграли вчистую!

Но самым тяжелым оказался не 1972-й. Год, когда за семилетний период своего доминирования они проиграли единственный раз.

Самым страшным стал 1975.

В тот год Александр Горшков стоял на краю гибели. «Его спасло чудо» – не фигура речи.

Это был тот случай, когда человек «упал» – и никто не верил, что он сможет подняться. Тем более, подняться так быстро.

Какой бы гениальной фигуристкой Пахомова ни была, но через две недели после пограничной, без малейшей уверенности в положительном исходе операции на легком Людмила выйти на лед не смогла бы.

И из 100 мужиков тоже вышел бы только один – я уверена.

И этот один – Александр Горшков – вышел и катался, теряя сознание.

Признаюсь, я тогда была против такого решения. Но Саша его принял – и Мила, возможно, к этому подталкивала своего супруга и партнера.

А всего за несколько недель до этого, на чемпионате Европы в Копенгагене они выиграли. Ребята обошли моих же Линичук с Карпоносовым. С ними весь год тренировались на одном льду. И притом оказались сильнее очень перспективной пары Ирина Моисеева и Андрей Миненков, которую тренировала Татьяна Тарасова.

Представители советского Внешторга попросили тогда Милу с Сашей после показательных выступлений сфотографироваться на фоне рекламного плаката нашей экспортной водки.

Конечно, я была против. Но приехали люди то ли из советского посольства, то ли из торгпредства и сказали: «Надо! Приказ из Москвы!» Я им говорю, что во дворце этом датском холод собачий и сквозняки. Но посольским было плевать на датские сквозняки и на последствия.

Эта дурацкая фотосъемка в продуваемом насквозь зале могла стать толчком к обострению болезни. Горшков начал покашливать. Саша потом признался, что ему очень тяжело. Это он-то – человек, который никогда ни на что не жаловался. Он всегда терпел до последнего.

Во время перелета Копенгаген – Москва было видно, как Сашу мучают боли. Он из хвоста самолета ко мне подошел: «Ленуля, мне плохо».

А у меня был приличных размеров кусок настоящего мумие. Я им выдавала это азиатское чудо-средство по четвертушке. Со спичечную головку. А тут я посмотрела на Горшкова – и дала ему большой кусок.

Много позже мне сказали, что как раз это уникальное вещество с Памирских гор могло купировать внутреннее кровотечение у спортсмена на высоте 10 000 метров. Без приема мумие человек там, на борту, мог умереть.

Уже в автобусе из Шереметьева Саша от боли не мог сидеть – и вынужден был встать и ехать, держась за поручень, буквально повиснув на нем.

Добравшись домой, мы начали возить Горшкова по клиникам Москвы. Проехали все наши диспансеры. Нам всюду говорили одно и то же – «невралгия». И дома Мила грела его в ванной. Но легче не становилось. Наоборот, он начал помирать.

Мила до последнего думала, что Саша сможет отлежаться. И что эти рекомендованные ванны помогут. Но однажды он в горячей воде потерял сознание.

И тут уж я сказала: хватит заниматься самолечением, поехали к серьезным врачам.

Нам посоветовали потрясающего диагноста Владимира Сыркина. Говорили, он самого Брежнева лечил. Этот специалист и сейчас занимает целый этаж в клинике на Пироговке.

Сыркин двумя пальцами постучал то там, то здесь, без всякой аппаратуры. И меня спрашивает: «Слышите, Елена Анатольевна?» Ну что я могу слышать: где-то звук нормальный, а где-то глухой.

Так светило диагностики прошел всю грудную клетку, потыкал в районе сердца – и ушел куда-то в район легких. И сказал фразу, которую мы запомнили навсегда: «Для меня как для врача это было бы очень смешно, если б не было так грустно. У него сердце ушло на пять сантиметров вправо!» И добавил: «А в легких-то у пациента – какая-то жидкость!»

Какая именно и сколько ее – даже этот чудо-врач не мог определить без специального оборудования.

И он нам сообщил, что в Москве существует единственный специалист, Михаил Израилевич Перельман, который способен взяться за спасение Саши. Именно он – главный специалист по легочным заболеваниям.

Я позвонила нашей хорошей приятельнице Люде Бещевой. Ее отец, Борис Павлович Бещев, был тогда министром путей сообщения, – и Перельман, как тут же выяснилось, его тоже консультировал.

Министр послал за Перельманом машину. У специалиста был выходной. Он отдыхал на даче. Его везли из-за города.

А мы по рекомендации Сыркина рванули в центральную железнодорожную больницу на Волоколамском шоссе. Горшкова мы повезли, когда в Москве уже совсем стемнело. Была отвратительная снежно-грязная каша, какая часто бывает в столице в начале февраля. Выскочили на улицу, с трудом поймали какой-то разваливающийся «рафик». Кричим водителю: «Гони, чемпиону мира Александру Горшкову плохо!» Своих фигуристов-чемпионов страна тогда знала в лицо. И водитель этот Сашу узнал. И погнал, дребезжа и едва не рассыпаясь на ходу.

Наш пациент при каждой встряске машины откидывался назад. Во-первых, боль была дикая. Во-вторых – сил держаться у него уже не оставалось.

Мы втроем Сашу в машине держали – я, Толя и Мила. Еле-еле его довезли.

И вот мы все в дикой тревоге ждем Перельмана в больнице РЖД на Волоколамке.

Тот приехал, вошел в реанимационное отделение, и сразу вот таким огромным шприцем выкачал из легкого полный шприц крови.

Вообще же из легкого у Горшкова откачали около двух литров крови. Когда Перельман увидел такое количество, он мне сказал: «Спасибо, что пациент – спортсмен. Другой, обычный человек, давно бы умер».

Нам повезло – Саша привык к кислородному голоданию с нашими постоянными сборами в Терсколе, на Северном Кавказе, на высотах больше двух тысяч метров.

А тут еще у Горшкова оказалась первая группа крови и резус отрицательный! Редкая группа. Ее в больничной базе не было. А плазмы крови в 1975 году еще не существовало.

Но я-то, как оказалось, для переливания идеально подходила! У меня как раз такая резус отрицательная группа. Меня тут же повезли в операционную. Взяли кровь – ему нужно было хоть что-то в тот момент, хоть стакан. Словом, стали мы с Сашей с тех пор кровными братом и сестрой.

Однако для операции нужно больше – на стол без достаточного количества крови не положат!

И вскоре откуда-то привезли вот такого бугая – он в дверь едва проходил. Лет двадцати с небольшим. Здоровья и сил, видно, на двоих хватит. С первой резус отрицательной группой крови.

Перельману в операции ассистировали еще несколько классных хирургов. Потом один из них мне сказал, что та операция была абсолютной авантюрой.

Не буду вдаваться в детали, я не специалист, но скажу, что на плевре было несколько пузырей – и один из них лопнул. Перельман все это ликвидировал. До него никто ничего подобного в мире не совершал. Нам сказали, что еще час промедления с операцией – и было бы поздно.

Сегодня, больше сорока лет спустя, уровень и медицины, и диагностики, и логистики, конечно, иной – и никто не может представить себе ужас того, что происходило в тот момент.

Александр Горшков очень мужественный человек. Любой из сегодняшних танцоров – я в этом уверена – завалился бы раз и навсегда.

Сейчас, оглядываясь назад, прихожу к выводу, что чуть ли не каждый год приходилось кого-то спасать от чего-то. Муж иронично зовет меня, когда вспоминаем критические ситуации, «мать Тереза».

А Мила Пахомова, несмотря на свой интеллект и образование, все время к гадалкам ходила. И вот те ей нагадали, что 1975-й – кровавый год. И он будет очень тяжелым – почему-то именно для «козерогов». А так уж вышло, что мы с ней обе под этим знаком родились. Когда она мне с дрожью в голосе эту информацию от гадалок сообщила, я ей сказала: «Пошла ты, Мила, знаешь куда?»

Но это было до того, как мы едва не потеряли Сашу.

Той зимой 1975-го неприятности сыпались одна за другой.

Пахомова и Горшков, разумеется, уже не могли ехать ни на какой чемпионат мира – не только в качестве лидеров, вообще никак. Другого чемпиона Европы из моей группы, Владимира Ковалева, сразу попытались отодвинуть с пьедестала чемпионата мира. Наталью Линичук и Геннадия Карпоносова, мою вторую танцевальную пару, ставшую только что бронзовыми призерами чемпионата Европы – меняют местами с Ириной Моисеевой и Андреем Миненковым.

В общем, по группе Чайковской был нанесен сильнейший удар.

Но главным тогда было спасать Горшкова.

Врачи осторожно говорили, что наш чемпион при удачном стечении обстоятельств сможет встать и пойти через два месяца. В самом лучшем случае – через месяц. Если очень повезет. Именно – встанет и сможет просто двигаться.

Никто из специалистов медицины просто не мог предположить, что через несколько недель Александр Горшков выйдет на лед.

На чемпионате мира, который должен был пройти в США в первой декаде марта, нужно было представить новые обязательные танцы. В том числе и наше танго «Романтика». Международная федерация конькобежцев (ISU) должна была их утвердить – и представить всем национальным федерациям. Как образец того, как нужно это катать.

Горшков вышел на лед после операции через две недели! Благодаря не только удивительной выносливости и тренированности своего организма, но и силе воли. Такую сегодня уже не встретишь. Он начал двигаться по чуть-чуть. А ведь через три недели предстояло лететь в Америку!

Все еще усложнилось тем, что чемпионат мира проходил в Колорадо-Спрингс, на высоте около 2500 метров. Где не то что танцевать сложно – после 10 шагов уже одышка возникала с непривычки. К тому же в американском среднегорье хуже, чем в любимом нами Терсколе.

Вначале после каждого проката в этих американских горах Саша в прямом смысле ложился на бортик. После трех серий его буквально волокли в сторонку. Саша садился на пол, а Чайковский давал ему кислородную маску. В маске он мог отдышаться чуть-чуть. А мы-то думали, что уже все.

И тут-то Горшков вдруг ожил. И сказал, что хотя прошлые ночи ему было трудно дышать, но сейчас уже вроде и ничего. Это было удивительно.

После чемпионата мира часть сборной должна была ехать в заранее оговоренный месячный тур по Северной Америке – Сан-Диего, Калгари, Чикаго, Ванкувер, Калифорния. Пахомова и Горшков были включены в состав группы задолго до операции на легком, и американцы, конечно, хотели видеть их.

Слухами земля полнится. Кто-то дома пустил слух, и он быстро прошел по всей стране, что Александр Горшков то ли погиб в Америке, то ли при смерти находится, а власти скрывают от народа трагедию кумира миллионов.

И вот мы прибыли в Сан-Диего. Поздняя ночь, наверное, часа два. Нас поселили в каком-то пятизвездочном отеле, где, как назло, местная баскетбольная команда бурно праздновала свое чемпионство. Все негры ростом выше двух метров широко гуляли со своим кубком и всем, что к нему прилагалось.

Тут-то и раздается звонок у меня в номере. С ресепшен на английском, разумеется, мне сообщают, что меня спрашивает Москва (ну конечно, там ведь уже день, почему бы не позвонить!).

Вообще-то в нашей группе был официальный руководитель. Но поскольку он и на русском-то говорил с трудом, то обращались по любым вопросам все время ко мне.

Звонил руководитель Олимпийского комитета Виталий Смирнов:

– Здравствуйте, Елена Анатольевна, как вы там?

– Да хорошо, все живы-здоровы, катаемся отлично.

– А как дела у Милы с Сашей?

– Да замечательно катаются. Их принимают на ура.

– А как там здоровье Горшкова, он может подойти к телефону? – продолжает выпытывать Смирнов.

– Виталий Георгиевич, – отвечаю я, желая послать всех к черту, – тут огромный отель, и Саша живет очень далеко от моего номера. И он сейчас, конечно, спит.

Идти действительно надо по какой-то бесконечной лужайке с высокой травой мимо безразмерного открытого бассейна на другой конец отеля.

И вот я, проклиная все на свете, накинув на ночную рубашку свою норковую шубу, вхожу в огромный лифт. А в лифте двухметровые баскетболисты с пивом орут мне что-то. И я думаю – ну вот и смерть моя пришла.

Я им прокричала нечто вроде «конгрэтьюлейшн!» – и быстрее-быстрее выскочила на территорию, пробираюсь по траве мимо этого бесконечного бассейна. Дохожу наконец до корпуса, где Мила с Сашей живут, а там... заперто!

Я пробираюсь обратно к себе в корпус. С ресепшена звоню по телефону в номер Пахомовой. Там, естественно, долго не подходят, потом сонная Мила наконец берет трубку: «Лена, что случилось?»

Я ей говорю: «Буди Сашу!»

И все это время на телефоне в моем номере «висел» Смирнов, ждал подтверждения, что Горшков жив.

В общем, говорю Саше, что по поручению министра спорта Сергея Павлова нам звонит глава Олимпийского комитета Виталий Смирнов, чтобы узнать, как там дела у чемпиона мира Александра Горшкова. И Москве надо непременно услышать голос лучшего танцора мира. И явно наш разговор слушает не один только Смирнов.

И вот приходит полусонный Саша:

– Да, Виталий Георгиевич, здарсьте. Да, я спал. Что? Нет, у меня все хорошо. Как мы катаемся? Да отлично катаемся...

Вот так в ночном мартовском Сан-Диего мы развеивали прошедший по Москве слух, что у Горшкова в американском турне взорвалось легкое и он умер.

Главным – и завершающим – в нашей долгой работе с Пахомовой и Горшковым стал, конечно, 1976 год – год первых Олимпийских игр, где в программе были танцы на льду.

В Инсбруке жуткие условия были в Олимпийской деревне. В особенности были проблемы с транспортом. Когда до начала выступления Милы и Саши оставалось всего ничего, я чуть не опоздала на первый в истории старт советских танцоров на Играх!

Валентин Сыч, отвечавший за зимние виды спорта, настаивал, чтобы я шла в колонне советской делегации на открытии Игр.

Я вскипела: «Лукич? Ты соображаешь, что говоришь? Я должна быть со своими спортсменами! А не в колонне! Мы сейчас профукаем Олимпиаду!» А надо сказать, что Пахомова с Горшковым, если меня рядом с ними нет за час до начала стартов, уже начинали психовать.

Открытие Игр тогда проводили в каком-то альпийском ущелье с односторонним движением, где с одной стороны подъезжали, с другой, через какой-то тоннель, выскакивали. И вообще, ехать мне во Дворец не на чем. Машины нет!

Вызвали переводчика. Местного парня, которого закрепили за руководителем нашей делегации Сергеем Павловым – он-то был на машине.

И когда в беличьей тяжелой парадной шубе я наконец ворвалась в раздевалку, у Пахомовой сразу стало меняться лицо... А я делаю вид, как будто ничего не произошло. И что я уже давно тут – просто до сих пор занималась неотложными делами.

У Пахомовой и Горшкова в Инсбруке все прошло очень уверенно, здорово и мощно. Это была абсолютно убедительная наша победа. Мила светилась со своей голливудской улыбкой. Как только она видела телекамеру, ее губы как бы автоматически раздвигались.

За восемь лет до этой Олимпиады, в 1968 году на Олимпийских играх во французском Гренобле, мы показали русский танец «Березка». Мы представили танцы как полноценный вид фигурного катания. И вот спустя восемь лет и два олимпийских цикла мы выступаем в этом виде и побеждаем.

Не могу еще раз не вспомнить главу технического комитета ИСУ британца Лоуренса Демми. Он никогда не говорил, что мы – локомотив мировых танцев. Но всегда подправлял наше развитие так, чтобы мы этим локомотивом стали. Он направлял развитие самого вида спорта.

А на то, что писали о Пахомовой и Горшкове, я не обращала внимания, мне было безразлично. Я никогда не смотрю в прессе отзывы о моей работе и о выступлениях моих фигуристов. Ни до, ни после. Я как никто знаю, где у нас плохо. И где у нас хорошо. Меня тогда интересовало мнение Демми и еще одного-двух специалистов.

В олимпийскую программу в Инсбруке я ввела новые испанские шаги. Никто не мог представить, что их можно на льду воплотить. Это особые шаги. Отбивание дробы в сапатеадо, испанской чечетке, – как ее перенести на лед? Я придумала, перенесла, и зал забился в экстазе, когда это увидел.

В Инсбруке на нас смотрел весь мир, съехавшийся туда. На трибунах не было простых зрителей – нас оценивали спортсмены и тренеры, которые понимают, чего стоит труд на льду. Зал гремел и орал, очень хороший был прием. Олимпийская публика – не публика чемпионатов мира.

Как мы отметили первую олимпийскую победу наших танцоров?

Я лично «очень содержательно» отметила. С Наташей Линичук поехала на допинг-контроль. А меня туда не пускают. А у нее накануне была дикая температура и обезвоживание организма.

До четырех часов утра мы с ней просидели – провели «замечательную» ночь.

Линичук с огромным трудом что-то из своего организма наконец исторгла. Я увезла ее домой, уложила спать и закрыла ее номер на ключ.

И сама закрылась. Чтобы никого не видеть, не слышать. И чтобы никто не разговаривал со мной.

А на следующий день мы с Татьяной Тарасовой, моим мужем Толей и еще несколькими «представителями прессы» сели в старинном австрийском ресторане, накрыли отличный стол. И очень хорошо отметили первое танцевальное золото.

А дальше чемпионов и призеров зимних Игр посадили в поезд, который из Инсбрука нас привез в какой-то другой город. Там мы пересаживались в поезд до Парижа.

Мы ехали в таком вагоне – с тремя пассажирскими полками. На нижней полке лежала Татьяна Тарасова. На среднюю, куда и влезть-то нельзя было – протиснулась я, худая еще была. А надо мной с температурой сорок помирал Андрей Миненков. Мы взяли его к себе в купе, чтобы он других спортсменов не заразил.

Вот в таком замечательном виде победоносная сборная по фигурному катанию отправилась в Париж после Олимпиады на показательные выступления.

Нас поселили в Париже в гостиницу где-то в центре. А мы уже не хотим ни-че-го. Акклиматизация в австрийских горах прошла, и вот в Париже, на равнине, – вторая акклиматизация. Какой организм такое выдержит?

Зато через месяц в шведском Гетеборге на послеолимпийском чемпионате мира – 1976 условия были прекрасные. Мы приехали в свои пятизвездочные гостиницы и выигрывали все, что возможно.

После этого надо было заканчивать. Я ребят не подталкивала к такому шагу. Они сами к этому пришли. Осенью 1976-го.

Всегда говорю, что я хороший тренер – потому, что не отбила охоту у своих учеников заниматься тренерским ремеслом.

Людмила Пахомова стала заниматься с молодыми фигуристами сразу после спортивной карьеры и, если бы не страшная болезнь и несправедливо ранняя смерть в 39 лет, могла стать большим тренером.

Александр Горшков уже много лет возглавляет нашу Федерацию – и только по его просьбе я иногда еще берусь за тренерскую работу со спортсменами национальной сборной...

У нас до сих пор с Сашей очень доверительные отношения, в которые мы никого не впускаем.

Мне повезло с Пахомовой и Горшковым. А они, может быть, считали, что им повезло со мной...

**Александр Горшков,
олимпийский чемпион, президент Федерации фигурного катания на коньках России**

– С Еленой Чайковской мы кровные брат и сестра – в прямом смысле.

Когда я находился между жизнью и смертью в железнодорожной больнице, под утро ко мне пришел главврач, которому я сказал, что у меня чемпионат мира через месяц, а тот сообщил, что меня готовят к срочной операции и уже послали за великим Перельманом.

Что мне вливали, я узнал позже. И про то, что у Чайковской тоже брали кровь для меня и меня в тот момент это спасло. То есть после операции мы оказались родными по крови – но к тому времени, за годы работы с ней мы и так уже стали как брат и сестра. И вообще мы с Милой и Лена с Анатолием Михайловичем были семьей. И родство наше родилось не в той больнице, не на операционном столе – гораздо раньше.

Мы для Чайковской всегда были парой номер один. И чувство ревности к будущим олимпийским чемпионам Наташе Линичук и Гене Карпоносову, которые катались рядом с нами, не возникало никогда. Отблески их золота светились в будущем, где-то через годы после нас. А мы все равно оставались и для тренера, и для мира дуэтом Number One. Лена иногда просила нас им помочь. И тогда я вставал в пару с Линичук, а Мила – с Геной Карпоносовым. Но при этом Чайковская всегда нам уделяла внимания больше всех – а ведь при нас у нее появлялись и другие ученики, члены сборной страны.

Мне никогда не приходилось размышлять над особенностью атмосферы в группе Чайковской – просто потому, что нам не с чем сравнивать. Я почти всю жизнь в большом спорте занимался у нее. Когда мы только начинали, Лене, кажется, было 27 лет. Поскольку разница

в возрасте у нас была минимальная, это накладывало отпечаток. Поначалу мы общались как ровесники, но при нужной доле уважения, которая требуется в отношении тренер – ученик.

Что могу сказать определенно – она пыталась создать отдельный мир. Группа Чайковской – это нечто обособленное. Свой мир внутри большого мира.

Мы всегда стремились вместе создать танец, который стал бы интереснее, сложнее предыдущего. И это непростой процесс. Сложность увеличивается оттого, что ты наверху, – и приходится соревноваться уже не с соперниками, а с самим собой. И нам не всегда удавалось добиться прогресса – каждый раз находить музыку, которая оказалась бы еще интереснее... Был год, когда не смогли найти ничего лучше уже откатанной произвольной программы – и мы были вынуждены ее оставить и на следующий сезон.

Да, одной из вершин принято считать наше с Чайковской танго «Романтика». Оно было оригинальным танцем, но позже мы адаптировали его под обязательный. И он вошел в программу, которую катают до сих пор. Например, это танго блестяще исполнили канадцы Марины Зуевой в олимпийском Ванкувере.

Но нашей с Чайковской вершиной все-таки назову произвольную олимпийского сезона, с которой мы взяли и первое золото, и получили максимум самых высоких оценок на чемпионате мира – 1976, где мы закончили карьеру. Из 18 оценок, которые выставляли сначала за технику, сложность, потом за представление, артистизм, 12 оказались высшими – 6,0! Это был наш апогей.

Прошло более 40 лет, и, может быть, с легким сожалением сейчас вспоминаю, что мы никак по-особенному не смогли отметить главную награду своей жизни. Мы – к сожалению или к счастью – не хоккеисты, которые бурно празднуют свои победы, особенно олимпийские. В Инсбруке между мужской и женской частью деревни был забор. Мы победили, постояли на пьедестале и разошлись каждый на свою половинку спать. Эйфория от пьедестала и звуков гимна уходит очень быстро. После колоссальной нагрузки приходит колоссальная усталость. Не только физическая – эмоциональная. И Чайковскую она накрыла тоже. И за первым в мировой истории золотом в танцах последовал сон – это правда, и это... естественно!

Фанатизм и преданность своему делу – черта великого тренера. Она была и есть у Чайковской. Отрешение от всего и концентрация на результате – постоянное ее состояние, в отличие от любого, даже очень большого спортсмена.

Когда в 1993 году ей предложили занять пост главного тренера сборной, она с задачей справилась блестяще. Я даже не могу представить, была ли ей тогда альтернатива.

Почему я продолжаю обращаться к Чайковской и сегодня с просьбой поработать со спортсменами сборной, когда часть тренеров вернулись в страну, выросла новая тренерская генерация, а сама Елена Анатольевна занята своей школой? Это все так, но ее опыт – бесценен. При изменении правил, при изменении условий и обновлении требований – основа остается!

Она, пожалуй, действительно человек, скорее, из мира искусства, чем из мира спорта. Не только потому, что первая из тренеров закончила ГИТИС. Она этим живет, в этой среде выросла, это – ее. И без компонентов искусства, сцены танцы на льду невозможны. Художественная сторона, понимание музыки, грамотное, сценическое выстраивание программ – это все про Чайковскую. Это врожденная культура, и высокое образование, и большой талант.

Для Лены наша жизнь – больше искусство, чем спорт.

Глава 3

Ангелы и демоны

«Наталью Линичук я взяла практически «в корсете». У Наташи позвоночник оказался как кисель. Как Линичук с такой спиной была способна заниматься фигурным катанием, многочасовыми тренировками каждый день, я представить себе не могла, – но мама ее так хотела, чтобы дочь стала знаменитой фигуристкой...»

Я много счастливых, очень насыщенных, даже драматичных лет жизни отдала танцевальной паре Наталья Линичук и Геннадий Карпоносов. С этими сильными, неординарными личностями, большими спортсменами мы достигли максимума: завоевали всё, что возможно в нашем виде. Год за годом мы проводили друг с другом времени больше, чем с самыми близкими людьми.

А потом был период тренерского соперничества. И вот тогда, внезапно для меня, в середине 90-х, наступил момент, о котором не очень-то хотелось вспоминать. Ни мне, ни, как кажется, им. Но из этой песни слов не выкинешь.

Впрочем, обо всем по порядку.

Геннадий Карпоносов с конца 60-х стоял у меня в паре с Еленой Жарковой. Этот дуэт несколько лет уверенно брал медали чемпионатов страны. Один раз даже стали серебряными призерами Союза. Универсиаду выиграли в 1972-м. Естественно, ребята входили в состав сборной СССР. Регулярно выступали на международных турнирах – были шестыми на чемпионате Европе, становились восьмыми на первенстве мира. Причем три года подряд.

Лена очень рано для фигуристки закончила спортивную карьеру. И трагически рано ушла из жизни – из-за врачебной ошибки. Была умная, тонкая, красивая девочка.

А Наташу Линичук в 1971-м привела ее мама. Которая мне сразу сказала: «Елена Анатольевна! Я так давно хотела, чтобы моя дочь каталась именно у вас!» Понятное родительское стремление. Но настораживало, что у девочки к 15 годам больше десятка тренеров сменилось. Она неулыбчивая была. Сосредоточенная не по годам.

Я ее сразу выпустила на лед, где уже тренировались Пахомова с Горшковым, Карпоносов с Жарковой и спортивная пара Галина Карелина с Георгием Проскуриным – все чемпионы и призеры Союза, члены сборной страны. Для многих юнцов – кумиры. Но, как оказалось, не для этой новенькой.

На катке «Кристалл» в «Лужниках», который лет десять назад закрыли из-за его аварийного состояния, Наташа тогда, в 71-м, показалась очень уверенной в себе. Может, даже, самоуверенной. Это для спортсмена, скорее, похвально, но не всегда срабатывает.

Когда я ей сказала, что беру в свою группу, бурной радости не последовало. Характер показала сразу.

Никаких больших перспектив в ней в первый раз я, конечно, увидеть не могла. Задания ей давала поначалу самые простые: идти след в след за Милой Пахомовой и Леной Жарковой. Стараться вы зубрить все сложные шаги из произвольных программ двух ведущих пар. Выучить все танцы. Перенимать, впитывать, словом, учиться буквально на ходу.

Забегая вперед, скажу: сделать олимпийских чемпионов из Линичук и Карпоносова оказалось намного сложнее, чем из Пахомовой и Горшкова.

Причин несколько. Все достаточно серьезные.

Людмила Пахомова изначально была «олимпийским материалом». Пусть звучит прямолинейно, но это именно так. Мила родилась для того, чтобы однажды подняться на пьедестал зимних Игр.

А Наталью Линичук я взяла практически «в корсете». У Наташи позвоночник оказался как кисель. Как Линичук до прихода ко мне с такой спиной была способна заниматься фигурным катанием, многочасовыми тренировками каждый день, я представить себе не могла, – но мама ее так хотела, чтобы дочь стала знаменитой фигуристкой...

Мой муж Анатолий Чайковский в те дни нашел в Киеве какого-то широко известного в узких кругах специалиста, который по своей «секретной методике» лечил спины еще до революции. Эскулапу этому на тот момент уже стукнуло лет 80. Он был не костоправ, нет – именно специалист по лечению спин. И вот мы к нему в Киев летали из Москвы на занятия – занимались на мячах, на обручах, на полу. Этот киевский специалист образно говорил, что в любом отеле, куда бы она ни приезжала, надо снимать дверь и укладываться спать на этой двери.

Надо отдать ей должное. Наташка была очень упорная и системная. И она смогла за довольно короткий срок так закачать себе спину, что потом никто и не догадывался, какие проблемы у нее были со здоровьем.

Наталья вообще была и, наверное, осталась дико упертой во всем, что касается достижения цели, которая необходима лично ей: раз было сказано специалистом, что надо сделать 100 упражнений для живота, чтобы перетянуть спину мышцами – она выполнит все именно так и именно сотню раз.

И благодаря ценным советам и бесценной системе упражнений того киевского лекаря Наташа Линичук создала такой мышечный корсет, увидев который врачи в Москве, наблюдавшие ее несчастную спину до этого, просто не поверили своим глазам. Так же педантично она следовала и моим советам на льду.

Сказала ей кататься одной, следом за старшими – так и катается.

Сказала перенимать у Милы с Леной ключевые элементы – перенимает.

После завершения сезона 1971/72 года Елена Жаркова не захотела больше идти по жизни под тяжестью психологического пресса, который всегда давит на третью пару. Получив третий раз подряд восьмое место на чемпионате мира, Лена подошла ко мне и сказала, что уходит из спорта. Что хочет всерьез заняться учебой.

Геннадий Карпоносов вешать коньки на гвоздь не собирался. Поиск партнерши не был долгим.

Так Линичук стала к нему в пару. При этом разница в возрасте у них была шесть лет – для танцоров довольно большой разрыв. И разница в классе, конечно, оставалась приличной, хотя мы второй год очень интенсивно эту девочку подтягивали.

При этом Линичук оказалась безумно красива на льду. Вырастают же такие фотогеничные девочки, глаз радуется.

А Гена казался каким-то... отрешенным от нее на льду. Той любви и нежности и взаимодействия полного, какое чувствовалось у Пахомовой с Горшковым, у Линичук с Карпоновым мне на катке видно не было. А значит, не видели этого ни судьи, ни зрители. Но они поражали своей стремительностью и техникой.

Я понимала, что возникший вариант у меня получается такой... несколько ущемленный. Но я никогда не задумывалась над тем, чтобы бросить тренировать этот, безусловно способный, дуэт.

Я всегда, в любом спортсмене, пытаюсь найти ту грань таланта, с которой он наиболее органичен и потому – силен, способен на развитие: именно скоростью и отточенностью всех действий на льду мы в итоге и стали достигать, а потом и обходить остальных.

С точки зрения тренерской идеологии и практики это, пожалуй, наиболее сложный шаг. Гораздо сложнее, чем придать оправу тому, что «само едет» к олимпийской медали.

Нам пришлось так поставить партнеров, чтобы на льду Наташка казалась меньше, чем она есть на самом деле. В жизни-то они с Геной почти одного роста. А на льду в танцеваль-

ной паре это противопоказано. И она даже когда была на каблуках за пределами катка стала ходить словно на полусогнутых ногах.

Этот ход мне однажды подсказал «по секрету» все тот же четырехкратный чемпион мира, патриарх танцев на льду англичанин Лоуренс Демми.

«Елена, – сказал мне он однажды, – если у тебя не получится твою Наташу «посадить» ниже сантиметров на 20 – можешь не мечтать о хорошем результате и высоких местах».

А мне ведь предстояло этому дуэту придумывать партерные поддержки. Я излазила все источники. Отсмотрела работы всех, кто ставил нечто подобное прежде, – и моего учителя, великого хореографа Касьяна Голейзовского, и знаменитого грузинского балетмейстера Вахтанга Чабукиани. Надо было найти низкие поддержки – и мы их нашли. Поднимать высоко Наташу было нельзя. Словом, работа шла очень интересная – хотя изобретать что-то новое всегда очень сложно.

Тренер обязан быть и психологом. Он просто вынужден прощупывать, как опытный диагност, и выявлять те черты характера своего спортсмена, на которых можно «сыграть». Я об этом уже говорила, но считаю нужным пояснить на двух примерах, связанных с Геной и Наташей.

На чемпионате страны Карпоносов упал во время произвольного танца. Что называется на ровном месте. На самом легком элементе. «Хотел установить контакт со зрителем!» – заявил он мне, когда я собиралась стереть его в порошок. Он, оказывается, услышал, как ему аплодируют трибуны, – и завелся. Молодец, конечно, захотел ответить взаимностью тем, ради кого мы работаем, – и приземлился на пятую точку.

Было понятно, что такие моменты в будущем надо было исключить.

И вот я включила видеозапись этого танца в холле ледового дворца, где шел турнир. Когда включала, была там одна. Когда просмотр закончила, у меня за спиной стояли уже несколько фигуристов, в том числе хмурый и напряженный Гена.

Я включила повтор. Все разошлись, Карпоносов остался. Смотрел тот фрагмент до рези в глазах. Больше никогда в этом элементе он не ошибался. Отшлифовал его до блеска. Препятствие создал – препятствие устранил.

Это его черта, Генкина, – барьер должен быть реально осязаемым, – вот тогда будущий чемпион Лейк-Плэсида сожмет пальцы в кулак и бросит все силы, чтобы прорвать, прорубить, продавить. Его умение концентрировать свои душевные и физические силы в нужное время и в нужном месте поражало меня – и, кстати, не только меня.

У его талантливой молодой партнерши особенность иного свойства. Ей обязательно нужна была ответная реакция тренера – любого рода – на каждый ее успех или неуспех на льду, пусть даже на обычной тренировке.

«Если тренер тебя не ругает – значит, он в тебя просто не верит!» – такую чушь кто-то из «добрых людей» сказал юной Наташе Линичук про отношения внутри группы Елены Чайковской.

И вот я смотрю, как она повторяет без передышки, раз за разом сложный элемент. Потом фрагмент программы. Потом ее всю. В одиночку, без партнера, для идеальной отработки движений. У девочки не получается. Она явно устает. Видно, что начинает злиться. И, наконец, падает. Это совершенно естественно – человек теряет силы и, разумеется, концентрацию. Толку дальше не будет. Нужна пауза.

Делаем передышку.

После перерыва Наташа выполняет все на пять. В том числе в самых сложных местах. Она смотрит на меня, ожидая хоть какой-то реакции. А я в это время переключилась на Пахомову с Горшковым. Наверное, я должна была в тот момент разобрать с Линичук все ее ошибки. Покритиковать за них. Похвалить за исправление. Но у меня уже вышли на лед действующие чемпионы мира. Которые готовятся повторить – и обязаны повторить – свой

прошлогодний успех. Конечно, я полностью погружена в то, что делают они, Пахомова и Горшков.

Я не забыла в тот момент о девочке по фамилии Линичук. Но вынужденно переключила внимание на тех, кто требует максимум моих усилий в данный момент. Жестко? Нет, естественно. Будь иначе – чемпионы в моей группе не выросли бы никогда.

А наутро на следующей тренировке я вижу заплаканную Наташу.

Внешних причин для слез вроде бы нет. Ее спрашивать не хочу. Поэтому интересуюсь у других девчонок из группы, что происходит с Линичук. И вот мне выдают версию: раз Чайковская никак не отреагировала на прокат – значит, на эту фигуристку тренер никаких ставок делать не собирается. Оказалось, девочка остро переживает вчерашнее падение и мое к этому отношение. Вернее, внешнее безразличие. Она ведь ждала реакции на свои усилия. На ее сверхусилия.

А мне было очень важно, что она отреагировала именно так.

Получалось очень интересное сочетание устремлений двух личностей с разным жизненным, спортивным багажом, готовых каждый на свой манер преодолевать барьеры, которые ставит перед ними жизнь.

При этом надо понимать, что на ближайший олимпийский цикл, то есть на четыре года, безусловными лидерами сборной оставались чемпионы мира Людмила Пахомова и Александр Горшков. Пара моей ученицы Тани Тарасовой Ирина Моисеева и Андрей Миненков дышали им в спину – молодые, дерзкие, талантливые. Ира с Андреем не желали долго ждать своей очереди. А вторым номером сборной в олимпийский цикл между 1972 и 1976 годами считались Татьяна Войтюк и Александр Жигалин.

Как поступать в такой ситуации паре, на которую никто в Федерации ставку делать не собирался? Рецепт прост и известен давно: пахать с утра до вечера и ждать своего шанса.

На что делать упор? На обязательные танцы. На школу, которую эти ребята способны отточить до блеска. Карпоносов уже был прекрасным технарем. Линичук быстро его догоняла.

Уже осенью 1973-го новички произвели фурор на международных соревнованиях в Англии, где стали вторыми вслед за хозяевами. Притом Линичук и Карпоносов обошли две опытные советские пары. Особенно удивило специалистов, что мои стали лучшими не только в обязательных танцах, но и в произвольном, и в оригинальном.

На чемпионатах Европы и мира 1974 года дебютанты с ходу завоевали бронзовые медали, что тоже стало исключением из правил.

На этих же турнирах в следующем году они должны были бы вновь бороться за место на пьедестале и за вторую строчку в иерархии сборной Советского Союза.

На первенстве Старого Света 1975 года в Копенгагене Пахомова и Горшков в очередной раз стали чемпионами, Линичук с Карпоносовым получили бронзовые медали, Моисеева с Миненковым стали четвертыми.

Казалось, расклад сил накануне предстоящего чемпионата мира в США ясен. Все спутала серьезнейшая болезнь и операция у Саши Горшкова.

В итоге в феврале 1975-го ни сам Горшков, ни Пахомова, ни я не знали, на какое время чемпионы выбыли из борьбы.

Но свято место пусто не бывает. В мире танцев на льду сразу начались подковерные интриги, брожения и закулисные сражения.

В отсутствие Милы с Сашей в жесткую борьбу за высшие награды готовы были включиться и американцы Колин О'Коннор с Джимом Милнсом – будущие призеры Олимпийских игр, и вице-чемпионы Европы англичане Хилари Грин с Глинном Уотсом, и, разумеется, две пары из Советского Союза – Линичук с Карпоносовым и Моисеева с Миненковым.

Казалось, лидерами сборной СССР должны были стать мои ученики. Но уже в Колорадо-Спрингс мне неофициально – кто же такие вещи говорит прямо? – шепнули, что ставка теперь делается на спортсменов Татьяны Тарасовой. Якобы главе Комитета по спортивным танцам на льду ИСУ Лоуренсу Демми больше по душе Ирина и Андрей. И наша Федерация будто бы тоже сделала выбор в пользу Моисеевой и Миненкова – как первого номера советской команды.

Такую информацию в нашем тесном мире утаить нельзя. Это был четкий сигнал и соперникам и, прежде всего, судьям. Можно ли было оградить Наташу с Геной от таких разговоров? Я пыталась, но это оказалось бессмысленным.

Зарубежные тренеры, иностранные спортсмены подходили к нам в отеле, на тренировках с одним и тем же вопросом: «У русских теперь лидеры Ми и Мо (иностранцам так удобнее было звать Миненкова и Моисееву)?»

Что мы могли ответить – только натянуто улыбаться, пожимать плечами и продолжать накручивать круги на льду.

Это был сильный удар по психологии спортсменов, которые еще полтора месяца назад стояли на европейском пьедестале, а теперь лидерами называют их коллег по сборной, которых на том пьедестале не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.